

дата

“Боб Дилан и Чак Берри в одном лице”

50 лет Майку Науменко

Выступление «Зоопарка». Майк Науменко — в центре. Конец 1980-х. Фотограф: Лев Гончаров

Сегодня одному из самых значительных людей отечественного рока Майку Науменко исполнилось бы 50 лет. Корреспондент Газеты Александр Зайцев встретился с товарищем Майка и менеджером группы «Зоопарк» Всеволодом Грачом, чтобы расспросить его о легендарном музыканте.

Как вы познакомились с Майком?

Я даже не помню, когда я первый раз видел Майка. Я знал практически всех музыкантов, в том числе и группы 1960-х, которые играли «фирму». Мы, видимо, пересекались году в 1975—1977-м. Мы потом вспоминали это, когда уже скорешились довольно сильно. Потом так получилось, что я немного отъехал от этой тусовки. Жена у меня работает в Консерватории, и туда устроились работать монтировщиками Дюша Романов, Джордж Гуницкий и Рыба. А я с ними что-то года полтора не общался, так получилось. Они подружились, пришли к нам в гости, мы попили винца и с Рыбой поехали к Майку на работу опохмеляться вдумчиво. Ну и потом это уже все покатило, поскольку нам с Майком было друг с другом интересно. К тому же мы оба были любителями кроссвордов, даже можно сказать — профессионалами. Он выписывал «Вечерку», а я — «Смену». Я к нему приходил, давал свою «Смену» — в кроссворде было два-три слова недобито, а он мне — свою «Вечерку». И вот такой диалог: «Майк, ну интеллигентный человек должен вообще-то знать, что такое топиамбур!» А он все знал про самолеты, просто на звук мог их определять. И он говорит: «Ну а турбодвигатель «Ила» такого-то — это вообще каждый должен знать!» Я к нему частенько заходил на работу выпить винца, да много кто к нему заходил поговорить о том о сем. Он мне рассказывал кучу всяких баек о любимых музыкантах, потому что постоянно читал «NME», «Melody Maker» и владел английским хорошо.

А когда вы стали официальным менеджером «Зоопарка»?

С 1986 года, когда группа получила тарификацию. Потом у нас сразу были концерты

в СКК, причем в такой солянке с эстрадниками. А тогда было модно такие солянки заряжать и какого-нибудь рок-н-рольщика кондового пригласить, чтобы зал собрать и всю эту шнягу кормить. Тогда первый раз разрешили танцевать в зале, а все концерты шли при аншлагах. У нас было две баллады в программе. Я говорю: «Майк, баллады убираем, играем только рок-н-ролл». И тысяч пять к сцене лопанулось!

В те времена, во второй половине 1980-х, «Зоопарк» ведь гастролировал очень активно?

Да, хотя были проблемы. Не было новой программы, не было нового альбома, и мы съезжали со стадионов на «тысячники» и «двухтысячники». Но тем не менее Союз мы объездили от Петропавловска-Камчатского до Калининграда и от Мурманска до юга России. Больших городов, в которых мы не были, я что-то и не припомню. Первые концерты были в «Юбилейном», дали восемь аншлагов. Играли, помню, со «Звуками Му». Комиссия сидела дурацкая. Поскольку не было должности менеджера, я тоже числился артистом — вышел с гитарой на сцену, взял пару аккордов. Просто я во время гастрольных дел вел концерты, потому что мы были единственная группа, которая выступала с перерывом. «Алиса», «Аквариум» играли нон-стоп, а мы — с перерывчиком. Там в среднем час-десять, час-двадцать концерт длился. «Зоопарк» играл два отделения музыки, между ними — перерыв. В то время было мало информации, и поэтому в любом городе типа Сыктывкара или той же Казани, когда народ спрашивал «а что сейчас делает Гребенщиков?» или «а что делает Рикшет?», я с удовольствием эту информацию запол-

нял. В Казани в 1988-м мы с Валерой Кирилловым наварались на голпников, но, когда они узнали, что мы из «Зоопарка», они сказали: «Да, слушай, я тебя вчера на сцене видел!», поймали нам такси, запугали водителя: «Если денег с них возьмешь, найдем!».

А как голпники, интересно, реагировали на песню «Гопники»?

Постоянно приходили записки такого рода: «Просьба сыграть песню «Гопники». И, допустим, подпись: «Тюменские голпники». Почти каждые выходные мы где-то выступали. Тогда появились деньги более или менее приличные. Какое было у звезды подпольного рока преимущество в жизни? Выпить на халяву. Не все же такие удары держат. Я видел Майку за месяц до смерти. Мы слегка поссорились перед этим — на этой же почве, — я позвонил ему: «Майкуша, ну что ты, как?» Заехал к нему. А он получил тогда приличные деньги за «LV», который был издан на виниле не то в Харькове, не то в Киеве, и бухал. Говорит: «От меня Наташка ушла». Я говорю: «Ну который раз уже». А он говорит: «Нет, тут все серьезно. С рукой вот беда». Я ему говорю: «Так надо не бухать, а идти в больницу». А он был такой человек — ненавидел что-нибудь просить. Приезжали, например, америкосы — та же Джоанна, другие. Они привозили гитары и все такое. И все подмажоривали, потому что откуда у музыкантов были деньги на хорошие гитары? Я Майку говорю: «Приехал какой-то рок-н-рольный чел из Америки, привез гитару акустическую. Я знаю, что она для тебя. Посмотри, на чем ты играешь квартирники! Но для этого надо встать, дойти до рок-клуба, получить гитару. Я не могу ее за тебя получить». «Ну да», — отвечает. Я отвлекся минут на двадцать. Прихожу, а он специально, чтобы не идти и не унижаться — как ему казалось, уже неподъемный. Он как человек интеллигентный не мог сказать: «Нет, пошли они со сво-

ими подачками». В принципе, он мог быть жестким. Иногда он мог что-то тихо сказать, если хотел кого-то обидеть, но это было круче, чем на х... послать. Так и остался без гитары.

А почему, как вы думаете, Майк практически перестал писать в это время новые песни?

Я недавно перечитывал книгу о Майке — там есть разные версии. А ведь я же с ним прожил бок о бок все это время. Тема Троицкий говорит, что люди разные. Из Гребенщикова песни выскакивают как естественные надобности. Или Юрка Шевчук: вот прошло два года, пора написать альбом. Он собирается специально, едет в деревню и там сидит и творит. Майк, если у него не писались песни, не вымучивал их из себя. Я считаю, что последний сильный номер, который он написал, — это «Выстрелы». Это такой реквием по самому себе, это 1987 год.

Я ему говорил: «Миша, нужна новая программа». Он отвечал: «Все будет». Но я видел, что не будет, увы. Может быть, человек уже сказал все, что хотел сказать. Майк — это единственный человек, который написал стандарты на русском языке. Потому что у нас не принято петь чужие песни, но, начиная еще с «Секрета», у нас ни одной команды нет, которая не пела бы его песни. От «Аквариума» до появившихся уже после его смерти «Кирпичей». Он Боб Дилан и Чак Берри в одном лице. Троицкому не нравились все эти рок-н-роллы, буги-вуги, он больше любил баллады, а мне, наоборот, они страшно нравятся, потому что так, как «Зоопарк», рок-н-ролл у нас до сих пор никто играть не умеет. Майк сам всегда говорил такую фразу: «Пусть народ танцует, это очень даже в кайф. Нам нравится, когда под нас танцуют». Песенки дурашливые — буги-вуги, твист и все такое. Но написать такую песню так, чтобы это не выглядело идиотизмом, иногда труднее, чем написать серьезный текст.

Майк действительно был таким уж домоседом?

Последние лет десять он даже на гастролях никуда особо не выходил. Я, как бывший экскурсовод и музейщик, старался что-то успеть посмотреть, погулять — а Майкуша... Выезд на природу ему был вообще по барабану, он был совершенно урбанистический человек. У нас была одна длинная гастроль — Дальний Восток, Сибирь. И я так построил, что было три дня отдыха во Владивостоке: город шикарный. Мы договорились, что нас отвезут на остров Попов в океан на три дня. Майк не поехал: «Ну чего там — остров, зачем мне эта рыбалка». И вот они с Илюшей Маркеловым остались в гостинице, запаслись алкоголем — у них это называлось автономное плавание, — и сидели каждый в своем номере: шампанское, водочка, всякая корейская еда. Идти из номера в номер уже в лом, и вот они по телефону созванивались. «Что сейчас будем пить? Шампанское?» — «Давай шампанское».

А чья была идея снять фильм «Буги-вуги каждый день»?

Я в этом никак не участвовал. Там хорошая была идея, и он сам по себе такой «зоопарковский» — без понтов, без говна всего этого. Там одна неудачная шутка, которая сначала смотрелась весело, как у Джармуша, — когда Майк висит в петле. Я в мистику не верю, и Майк был человек неверующий, просто атеист. Но вот довелся, через полгода — бабах! — и все.

О смерти Майка. Я встречал такую версию, что он умер не из-за падения в квартире, а был избит на улице.

У него было давление, и с рукой все эти проблемы — она немела. Я у ребят специально спрашивал: «Сколько вы выпили в тот день?» Я точно выяснил, что выпили они на всех три банки пива — советского, баночного, из ларька. Для «Зоопарка» это вообще ноль. Ему сплехло, он упал и головой ударился о табуретку — перелом основания черепа. Это был несчастный случай.

газета

сидя на белой полосе

Майк (Михаил) Науменко родился 18 апреля 1955 года. Любимые музыканты — Чак Берри, Боб Дилан, Марк Болан, Лу Рид. В свою очередь, сам Майк Науменко оказал сильнейшее влияние на русский рок. Во второй половине 1970-х Науменко играл в группе «Союз любителей музыки рок», выступал в составе «Аквариума». В 1978-м вместе с Борисом Гребенщиковым записал альбом «Все братья — сестры». Затем следуют сольные работы Майка: «Сладкая N и другие» (1980), «LV» (1982). В начале 1980-х Науменко собирает группу «Зоопарк». В 1983 году записывается альбом «Уездный город N», затем «Белая полоса» (1984). Во второй половине 1980-х «Зоопарк» много гастролирует и практически не выпускает новых песен. Последний альбом — «Музыка для фильма». Майк Науменко умер 27 августа 1991 года.